

Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: японская экспансия в Китае и политический мир Франции

В. Э. Молодяков

Аннотация. Настоящая статья анализирует реакцию французских политиков и аналитиков на расширение японской экспансии в Китае, начиная с ее перехода в новую фазу в июле 1937 г., что получило в Японии название «Китайский инцидент», так как состояние войны между странами формально не было объявлено. Японо-китайская война стала «новостью» мирового значения и для французской прессы, хотя не столь важной, как проблемы внутренней политики или события в соседних странах, как гражданская война в Испании. Известный аналитик, генеральный секретарь Комитета по изучению тихоокеанских проблем Роже Леви (1887–1975) прямо связал изменение ситуации на Дальнем Востоке с интересами Франции в регионе, хотя его работы отличались равноудаленным взглядом на японо-китайский конфликт. Вскоре в конфликте обозначился важный для Франции “германский фактор”, связанный с Антикоминтерновским пактом 1936 г. между Германией и Японией, на что сразу обратил внимание влиятельный политик, бывший премьер-министр Альбер Сарро (1872–1962).

По этой же причине позиция праворадикального монархического движения «Action française», поддержавшего Японию во время Маньчжурского инцидента (1931) и Шанхайского кризиса (1932), не была однозначно прояпонской. Аргументы китайской стороны представил юрист, профессор Сорбонны Жан Эскарра́ (1885–1955). Известный в политических кругах философ и публицист Фелисьен Шаллай (1875–1967) осудил японскую агрессию и в то же время попытался дистанцироваться от обеих конфликтующих сторон. Популярный романист Клод Фаррер (1876–1957) и бывший дипломат Эдуар Клавери (1867–1949), ставший историком и аналитиком, приняли сторону Японии, считая ее союзником Франции в борьбе за поддержание

стабильности в Восточной Азии. Изучение восприятия континентальной политики Японии во Франции не только обогащает нас новыми знаниями об истории эпохи, но позволяет лучше понять ее политическую философию и функционирование систем пропаганды и имиджмейкинга.

Ключевые слова: Япония, Франция, Китай, Индокитай, колония, экспансия, пропаганда, безопасность.

Автор: Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Международного института японской культуры университета Такусёку, Япония, 112-0012, Токио, Бункё-ку, Оцука 1-7-1 G-210.

ORCID 0000-0001-5892-0473

E-mail: dottore68@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Continental Policy of Japan as Seen from France: Japanese Expansion in China and French Political World

V. E. Molodyakov

Abstract. This article analyzes responses of French politicians and analysts to a then new phase of Japanese expansion into China from July 1937, known in Japan as the “China Incident” because the state of war was never officially proclaimed. The Sino-Japanese War became a piece of “news” of global significance for the French press too, even if not so important as internal political problems or events in neighboring countries like the Spanish Civil War. A well-known analyst, Secretary General of the Committee for Pacific Problems Study Roger Levy (1887–1975) directly connected the changed situation in the Far East with French interests in this region, while his works were marked by an equidistant view of the Sino-Japanese conflict. The “German factor” of this conflict, important for France, emerged soon and was noted by an influential politician Albert Sarrault (1872–1962), a former Prime Minister. Also, for this reason, the position of a right-wing monarchist movement “Action française” was not as explicitly pro-Japanese as it was during the Manchurian Incident of 1931 and the Shanghai crisis of 1932. University of

Paris professor Jean Escarra (1885–1955) presented arguments for the Chinese side. Philosopher and political writer Felicien Challaye (1875–1967) condemned Japanese aggression while trying to be equidistant from both sides of the conflict. Famous novelist Claude Farrere (1876–1957) and ex-diplomat turned historian and political analysts Edouard Clavery (1867–1949) took the side of Japan, seeing her as an ally of France in the fight for stability in East Asia. A study of French opinions and responses to Japanese continental policy will enrich our knowledge of this period and will help us to better understand the political philosophy of France as well as the workings of its propaganda and image-making systems.

Keywords: Japan, France, China, Indochina, colony, expansion, propaganda, security.

Author: *Molodiakov Vassili E.*, Doctor of Sciences (Political Science), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Professor, Takushoku University, Research Institute for Global Japanese Studies: Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan.

ORCID 0000-0001-5892-0473

E-mail: dottore68@mail.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

Введение

После создания японского государства-сателлита Маньчжоу-Го Лига Наций и правительства большинства стран осудили действия Японии как агрессию и нарушение международного права, однако не приняли против нее никаких практических мер. Оставаясь нейтральной политически, Франция была «обеспокоена судьбой своих индокитайских владений ввиду усиления Японии» [Мещеряков 2006, с. 602], а потому «морально поддерживала Китай как поборника, в этот период, договоров и права. Поэтому председатели правительства и министры иностранных дел один за другим заявляли в Париже и в Женеве, что Франция соблюдает все принятые на себя обязательства относительно территориальной целостности Китая и сохранения “открытых дверей”» [Lévy 1939, p. 122]. Однако руководство страны — повторим вывод Пьера-Этьенна Фландена, председателя Совета министров (ноябрь 1934 — май 1935) и министра иностранных дел (январь–июнь 1936) — «смотрело на дальневосточные события исключительно под углом индокитайских интересов» [Flandin 1947, p. 131]. Поэтому аналитики рассматривали аргументы обеих сторон

в соответствии с собственными взглядами и видением перспективы. Их мнения и оценки принимались или могли быть приняты во внимание политической элитой и руководством государственного аппарата, однако прямое влияние ученых или журналистов на принятие решений не просматривается. Выработка и реализация французским правительством азиатской политики изучалась в обобщающих трудах на основе официальных документов [Duroselle 1979]. Теперь рассмотрим ее «фон» в контексте борьбы идей и мнений.

Начало японо-китайской войны и реакция Франции

Перестрелка между японскими и китайскими войсками ночью 7 июля 1937 г. у моста Лугоуцяо (мост Марко Поло) вблизи Пекина положила начало «Китайскому инциденту» — войне, размах которой никто не мог предвидеть. В Токио кабинет Коноэ Фумимаро под давлением армии выбрал жесткий курс, перейдя от ультиматумов к военным действиям: 28 июля был занят Пекин, 29 июля Тяньцзинь, 11 ноября пал Шанхай. Война стала «новостью» мирового значения и для французской прессы, однако интерпретация событий зависела не только от политической линии издания. Об этом свидетельствовал писатель и журналист Робер Бразийяк (1909–1945) в романе «Пленники» (1940) устами главного героя, работавшего в большой информационной газете: «Когда больше не о чем было писать, крупный шрифт оповещал о грандиозной битве в китайской войне. Там каждый день были грандиозные битвы, достойные крупного шрифта. Но когда речь шла о войне в Испании или о внутренней политике, о Китае забывали. Если же заговорили о Китае, будьте уверены, что больше не о чем писать, а вовсе не то, что на японском фронте оживление. Видите, я выдаю вам самые сокровенные тайны ремесла» [Brasillach 1963, p. 570].

«Сенсационные события в Центральной Европе в 1938 г. часто отвлекали внимание французской публики от боевых действий между Китаем и Японией, — отметил аналитик Роже Леви. — Человек на улице “в целом” знал, что Япония — друг или “союзник” Германии, что в нарушение договоров она ведет политику экспансии на азиатском континенте: это поощряло сентиментальные настроения в пользу Китая. Большинство парижских газет просто перепечатывало без комментариев сообщения информационных агентств. “Правые” всег-

да были склонны признавать и даже подчеркивать успехи японцев. «Крайне левые» требовали принятия действенных мер против Японии. <...> Нередкое молчание крупных информационных газет, занимавших промежуточную позицию, могло быть истолковано как безмолвное признание силы Японии» [Lévy 1939, p. 120]. «У нас умеют быть только фашистами или большевиками, — иронизировал прокитайски настроенный Жан Эскарра́ (1885–1955). — Япония якобы представляет порядок, мир и процветание, поэтому ее одобряют “правые”. <...> Китай в фаворе у “антифашистов”. Защищать его — значит, защищать “правое дело”, а все знают, что правое дело только одно: за демократию и против тоталитарных держав» [Escarra 1938, p. 17, 141].

После обращения Китая в Лигу Наций 15 сентября 1937 г. Франция присоединилась к державам, которые выразили ему «моральную поддержку», а в ноябре на Брюссельской конференции устами министра иностранных дел Ивона Дельбоса заявила, что «никакое силовое решение не может ни де-юре, ни де-факто надолго урегулировать отношения между Китаем и Японией» [Lévy 1939, p. 100]. Однако Франции, как напомнил заместитель государственного секретаря по колониям Гастон Моннервиль, необходимо защищать свои интересы в Индокитае и на Тихом океане, а также пути сообщения империи¹ [Lévy 1939, p. 100]. Поэтому никаких «действенных мер против Японии» она не приняла. Более того, с самого начала конфликта правительство — помня о непосредственной угрозе Французской концессии в Шанхае — проявляло «исключительную любезность» в ответ на требования Токио (японские дипломаты протестовали, когда их называли «ультиматумом») о пресечении поставок оружия Китаю через Индокитай, в противном случае грозившие применением силы [Lévy 1939, p. 105–106]. Однако Франции удалось укрепить свои позиции, заключив 7 декабря 1937 г. договор о дружбе, торговле и мореплавании с Сиамом, националистические круги которого Япония старалась привлечь на свою сторону против «белых» колониальных империй [Lévy 1939, p. 115–118]. После распада правительственной коалиции Народного фронта в апреле 1938 г. политику «любезности» в отношении Японии продолжали новый министр иностранных дел Жорж Боннэ и посол в Токио Шарль Арсен-Анри [Lévy 1939, p. 108–110].

¹ Термин использовался для обозначения совокупности метрополии и остальных владений, вне зависимости от их статуса.

Первую попытку обобщить эволюцию французской политики на Дальнем Востоке с учетом японской экспансии предпринял Роже Леви (1887–1975), генеральный секретарь Комитета по изучению тихоокеанских проблем, с 1936 г. сотрудничавший с Центром по изучению иностранной политики (далее: Центр). Эта неправительственная организация, созданная в 1935 г., претендовала на роль ведущего национального think-tank, поэтому приглашение туда в качестве эксперта означало профессиональное признание. Изданные Центром работы Леви «Последствия экономического развития Японии для Французской империи» (1936) и «Отношения Китая и Японии» (1938) (о них [Молодяков 2020]) представлялись не мнением частного лица, но объективной и достоверной информацией для всех, кто в ней нуждался, включая руководство страны.

В начале 1939 г. Центр опубликовал работу Леви «Французская политика на Дальнем Востоке, 1936–1938», законченную в ноябре 1938 г. Определив ее как «политику сдержанности и умеренности, продиктованную стремлением обезопасить Индокитай и сохранить хорошие отношения как с Китаем, так и с Японией» [Lévy 1939, p. 8], автор начал анализ с «моральных интересов» Франции, с просветительской, культурной и религиозной деятельности [Lévy 1939, p. 11–26], потому что ее ведущие организации «защищают и демонстрируют французские традиции и методы» [Lévy 1939, p. 6]. Перейдя к «материальным интересам» [Lévy 1939, p. 27–84], аналитик подчеркнул, что «интересы Франции в Китае не уступают по важности интересам Великобритании, Японии, Соединенных Штатов и, возможно, России», хотя объем торговли между двумя странами «не соответствует месту, которое Франция занимает в мире», пояснив: «Китай предоставил бы неисчерпаемые возможности для международной торговли, если бы покупательная способность его населения не оставалась столь низкой» [Lévy 1939, p. 61, 28]. Баланс франко-японской торговли Леви оценил как невыгодный для Франции — кредитора Японии, которая остро нуждается в «твердой валюте», но позволяет себе «драконовские запреты». Для исправления ситуации он рекомендовал выстраивать дальнейшие экономические отношения с Японией в масштабе империи, а не только метрополии [Lévy 1939, p. 62–63].

Леви признал, что «дальневосточная политика [Франции] все теснее связывается с ее европейской и мировой политикой» [Lévy 1939,

р. 7]. Не только Германия, но и Япония объявила угрозой для себя франко-советский договор о взаимной помощи (2 мая 1935). «Россия укрепила свое положение в Европе, что позволяет ей сосредоточить силы на Дальнем Востоке, — заявил экс-премьер Вакацуки Рэйдзи-ро, — Французское правительство уверяет, что действие договора распространяется только на Европу. Однако не приходится сомневаться в том, что он очень поощряет русскую политику экспансии на восток» [Lévy 1939, p. 86]. «Какую позицию займет французское правительство, если Советы начнут войну одновременно против Японии и Германии? — задался вопросом аналитик Тамура Косаку. — Сможет ли оно сохранить нейтралитет в отношении Японии, оказав Советам военную помощь против Германии?» [Lévy 1939, p. 87]. Гитлер использовал франко-советский договор как предлог для разрыва Локарнских соглашений 1925 г. и ремилитаризации левого берега Рейна в марте 1936 г., затем для заключения Антикоминтерновского пакта с Японией (25 ноября 1936).

Германский фактор дальневосточного конфликта

В день подписания Антикоминтерновского пакта Центр по изучению иностранной политики пригласил сенатора Альбера Сарро (1872–1962) выступить с лекцией «Франция на Тихом океане и германо-японское соглашение». Сарро предстал перед аудиторией не только как столп партии радикалов и недавний премьер (январь–июнь 1936), но как эксперт — бывший генерал-губернатор Индокитая (1911–1914, 1917–1919) и министр колоний (1920–1924, 1932–1933). Оратор обставил речь, подчеркнув ее приватный характер, частоклоном оговорок и перешел к главному: Германию и Японию сближают «динамизм империалистической экспансии, основанной на демографии и на расизме», «преобладание военного начала в национальной жизни», требование равенства (прав на вооружения и на колонии для Германии; равенства рас для Японии) и ненависть к России, а не к коммунизму, с которым они справились у себя [Sarraut 1936, p. 11]. «Содержащее в зародыше принцип передела природных ресурсов и колониальных владений <...> германо-японское соглашение, официально и явно направленное против Советов, на деле и, возможно, принципиально направлено против британского могущества <...> и рикошетом против Франции» [Sarraut 1936, p. 17].

Слушатели помнили, что премьер Сарро добился ратификации договора с СССР и «проглотил» немецкую оккупацию левого берега Рейна, ограничившись грозными заявлениями. Теперь он как частное лицо убеждал их, что договор не чреват угрозой войны из-за событий в Азии, поскольку его действие ограничено Европой, но признал, что «французские владения на Тихом океане представляют [для японцев] двойной соблазн материальных ресурсов и стратегических позиций» [Sarraut 1936, p. 21]. Заявив, что он «более тридцати лет был другом и поклонником» Японии, оратор заметил, что она «выбрала прискорбный путь, который может оказаться роковым», хотя и в силу «защитного рефлекса против экономического и политического экспансионизма Европы» [Sarraut 1936, p. 23]. Выход из потенциально опасной ситуации он видел в «коллективном, мощном, определенном и координированном соглашении стран, желающих мира; на Тихом океане — это Англия, Франция, Соединенные Штаты, Россия, Китай, Голландия, британские доминионы, которые имеют колоссальное численное превосходство над любой воинственной страной. Но эти силы пока инертны, изолированы и не организованы. Германо-японское соглашение может послужить необходимым предупреждением, подтолкнуть их к объединению ради оборонительной или активной солидарности» [Sarraut 1936, p. 22]. Благие намерения — неотъемлемая черта речей французских политиков.

В отличие от политика, ученый, аналитик или писатель мог быть услышан в политическом мире, если он был не просто известен, но связан с какой-либо партией или идеологией. Какую позицию заняли представители крайних флангов политического мира? «Королева большого репортажа» Андре Виолли (1870–1950; в старых переводах: Виоллис/Виолис), эволюционировавшая в сторону «ангажированного репортажа» и перешедшая в прокоммунистическую прессу под влиянием гражданской войны в Испании [Harbers, Broersma 2016], среди первых осудила Японию. Критик колониализма, милитаризма и «фашизма», она уже продемонстрировала такую позицию в книгах «Шанхай и судьба Китая» (1933), «Япония и ее империя» (1933) и «Интимная Япония» (1934) (см. о них [Молодяков 2020]).

Расширение внешней экспансии Японии журналистка рассматривала как результат роста «фашистских» тенденций внутри страны. В 1933 г. она призвала серьезно отнестись к «существованию японского фашизма и к угрозе, которую он несет миру во всем мире»

[Jeandel 2006, p. 165]. Годом позже она подтвердила, что «висящая над миром угроза японского империализма представляется определенной и близкой», поскольку «в эпоху взаимозависимости народов и интересов войны больше не могут оставаться локальными инцидентами» [Jeandel 2006, p. 81]. 1 декабря 1937 г. Виолли выступила в Сорбонне с лекцией о «китайской трагедии»: «Япония из угрозы превратилась в агрессора, вторгшегося и захватившего восточное побережье Китая. <...> Журналистка говорила все более категорично: “События на Дальнем Востоке непосредственно связаны с теми, что залили кровью Европу” (война в Испании — В. М.). В конце лекции Виолли поместила японо-китайский конфликт в контекст кризиса, охватившего Европу, и сетовала на “бездействие демократий перед лицом наглости фашизмов”. Далекую японскую агрессию она превратила в близкое событие, оказывающее политическое, экономическое и дипломатическое воздействие на европейские страны» [Jeandel 2006, p. 81–82].

Японо-китайский конфликт: взгляд «справа»

Позицию праворадикального монархического движения «Action française», поддержавшего Японию во время Маньчжурского инцидента 1931–1932 гг. и Шанхайского кризиса 1932 г., сформулировал в 1937 г. военный аналитик Жак Дельбек (1876–1957) в статье «Пожар на Дальнем Востоке и Европа». Рассматривая японо-китайский конфликт в перспективе борьбы «желтой расы» против «белых», он не поддержал ни одну из сторон, но предостерег против недооценки обеих. С одной стороны, Япония — не басенная лягушка, решившая раздуться до размеров вола и лопнувшая, ибо ей удастся контролировать занятые территории с помощью «автономных правительств». С другой стороны, Китай, «не раз завоеванный, но всегда переваривавший завоевателей», «представляет силу, которую никто не смог исчерпать до конца». Тем, кто указывал на слабость Китая из-за отсутствия централизованной власти, аналитик возразил: «Представьте Нанкин, теперешнюю столицу, в руках японцев. Это ни в коей мере не будет означать прекращения борьбы», — предсказание сбылось еще до конца года [Delebecque 1937, p. 141–142]. Не отрицая опасности для Франции успехов «красных» в Китае, Дельбек считал бóльшей угрозой «непоправимое падение престижа белых в глазах желтых, будь

то японцы или китайцы» (курсив мой — В. М.). Осудив политику европейцев и американцев как «непоследовательную, то слабую, то жестокую, невежественную или беспечную в отношении истории и обычаев народов, которые они по глупости считали “отсталыми”, сделавшую всё чтобы вызвать у китайцев и японцев, да и у всех азиатов, презрение и ненависть к западным идеям и методам», он подытожил: «Если они и подчинились нашей силе, то мы никогда не добились их доверия и подлинного уважения. Сегодня, когда они лучше знают нас, когда они отдают отчет в нашем соперничестве и разобщенности, когда они поняли, что мы не непобедимы, что близок час, когда нас можно бить нашим же оружием, — последние остатки этого уважения исчезают на глазах. <...> В японизированном Китае, в советизированном Китае, в независимом националистическом Китае найдется ли место для остатков прежнего контроля западных держав? Что если послезавтра, если не завтра, произойдет с инвестированными туда огромными капиталами? Не окажутся ли их владения, находящиеся по соседству с этим бурлящим миром, — в первую очередь, это касается Франции с Индокитаем — под еще большей угрозой? <...> Хотелось бы закончить на менее пессимистической ноте. Но страусиной тактикой ничего не решить» [Delebecque 1937, p. 144–146].

Считавшаяся «фашистской» Французская народная партия заняла скорее антияпонскую (но не прокитайскую) позицию. Ее вождь Жак Дорио, в прошлом один из лидеров французских коммунистов и член Исполкома Коминтерна, по словам его соратника, «хорошо знал китайскую проблему, поскольку одно время был в Китае представителем [Коммунистического] интернационала при китайской компартии. [Летом 1937 г.] Дорио полагал, что если бы удалось оживить Пакт четырех, великие европейские державы могли бы установить нечто вроде протектората над Китаем, ограничив тем самым японский экспансионизм и удовлетворив колониальные притязания Германии и Италии. Одновременно такой план мог бы на долгий срок обеспечить мир в Европе. К сожалению, Пакт четырех не удалось воскресить, прежде всего, по вине французского правительства» [Barthélemy 1978, p. 137]. «Победа большевизма станет концом цивилизации, хаосом, рабством и нищетой для всего мира, — заявил Дорио в программной книге «Преобразовать Францию» (1938). — Но победа Японии над Китаем будет означать, что завтра на наших детей обрушится вал азиатских товаров и людей. <...> Сегодня единая Европа, возможно, еще

сумеет удержать Японию от продолжения экспансии в Китае. <...> Это будет означать возрождение великого престижа белых, престижа европейцев» [Doriot 1938, p. 92]. Если коминтерновская пропаганда формировала представление о «блоке агрессоров» Германия — Италия — Япония, то Дорио четко отделял Японию, в экспансии которой видел угрозу французскому Индокитаю, от Германии и Италии — потенциально опасных соседей Франции, с которыми следовало жить в мире.

Китайские аргументы: Жан Эскарра и «Шалюкс»

Как и после «Манчжурского инцидента», наперебой выступали эксперты. Позиция профессора Сорбонны Жана Эскарра, представлявшего китайские аргументы в «дуэли юристов» [Молодяков 2019], была очевидной. «Сегодня никто не может сомневаться в том, что военные действия, развязанные Японией в Китае с началом июля 1937 г., имеют характер самой определенной агрессии. <...> Признать, что японская политика в отношении Китая всё больше представляется масштабной агрессией, прикрытой лживой пропагандой, — значит, оставаться в пределах строгой правды. <...> Надо быть слепым, чтобы не видеть, что Япония с ее необузданными амбициями представляет одну из величайших угроз, которым когда-либо подвергался мир во всем мире» [Escarra 1937, p. 1, 27]. Причину Эскарра видел не в действиях конкретных правительств или военных, но в особенностях цивилизации: «народ, некоторые инстинкты которого остаются варварскими»; «японские понятия о конституционном и международном праве нельзя согласовать с теми, что приняты между цивилизованными государствами»; «ненасытное тщеславие, неизменное высокомерие, немедленное обращение ко всем формам насилия, презрение к мировому мнению, уверенность, что все средства хороши в отношении народов, не принадлежащих к избранной расе, — эти характерные черты японской политики происходят из национальной религии, придуманной для нужд экспансии», т.е. синто [Escarra 1937, p. 2, 14–16]. Одним словом, японцы — варвары.

Обвинительным актом против Японии и панегириком Китаю (второй аспект мы здесь не рассматриваем) стала книга Эскарра под ироническим заглавием «Благородный японский мир» (1938), законченная в апреле (предисловие датировано так: Ханькоу, 21 мая).

К прежним тезисам добавились новые: император — «бесчеловечное и абстрактное божество варварской религии»; «в Японии нет свободы слова»; «парламент не играет серьезной роли в судьбах страны и никак не контролирует исполнительную власть»; «военные назначают и смещают министров по своей прихоти»; «японская армия виновна во всем, что может совершить армия в завоеванной стране под влиянием распушенности, пьянства и вспышек самых животных инстинктов»; война «развела легенды <...> о непобедимости японской армии, дисциплине и рыцарском духе японских солдат» [Escarra 1938, p. 39–40, 8]. В сказанном немало верного, но и Китай не был образцом демократии. Знавший дальневосточные реалии бельгиец Роже де Шатлё (1878–1956), писавший под псевдонимом «Шалюкс», заметил в книге «Вокруг китайско-японского конфликта» (1938): «Как можно противопоставлять “демократический и эгалитарный режим Китая” “царящему в Японии абсолютизму”? Некоторые полагают, что Япония, несмотря на всеобщее избирательное право и равенство всех перед законом, не является демократией по европейской мерке... но Китайская республика не имеет абсолютно *ничего* общего с республикой. Нынешний режим — диктатура. Китайский народ не имеет никакого суверенитета. Он не голосует» [Chalux 1938, p. 6–7]. Эскарра упомянул торговлю опиумом как «средство ослабления китайской расы и ее способности к сопротивлению», но признал, что пионерами этого выступили англичане [Escarra 1938, p. 76–81, 199]. Назвав пресловутый «меморандум Танака» «сомнительным» источником и не ссылаясь на него в основном тексте, в примечании автор заметил, что «от его содержания нельзя просто отмахнуться» [Escarra 1938, p. 90–91].

Касаясь последствий конфликта, Эскарра отверг утверждение о том, что «интересы нашей страны окажутся в меньшей опасности в случае японской победы, чем в случае китайской». Он осудил примирительные шаги правительства как «услужливость без [сохранения] престижа», поскольку «во Франции имеются иллюзии относительно военной мощи Японии», в то время как, по словам некоего иностранного офицера, «батальон французской колониальной пехоты способен задать жару японской армии» [Escarra 1938, p. 201, 215–216]. «Трудно представить, что безопасность Индокитая будет надежно обеспечена в день, когда провинции Южного Китая окажутся в руках японцев. <...> Зато Китай, победивший, но истощенный, прежде всего захочет

вернуться к труду по реконструкции, для чего ему понадобятся иностранные капиталы. Китайскую угрозу Индокитаю никто не примет всерьез» [Escarra 1938, p. 201–202]. Пока же Эскарра советовал Франции занять место Германии как союзника Китая — гомиьндановского правительства, при армии которого до конца июня 1938 г. находилась германская военная миссия, отозванная по просьбе Японии [Clavery 1939, p. 54–55]. Иначе, предрек он, «из всего, что может уцелеть после войны от положения белых в Азии, мы рискуем не сохранить ничего» [Escarra 1938, p. 10].

Попытка равноудаленности: Фелисьен Шаллай

Японскую политику подверг критике известный в политических кругах философ и публицист Фелисьен Шаллай (1875–1967). Смолду увлеченный «жапонизмом», он побывал на родине *укиё-э* еще в 1901 г. и выпустил книгу «В Японии и на Дальнем Востоке» (1905). Следующие путешествия (июнь–сентябрь 1917 г. — Япония, октябрь 1917 г. — Корея, октябрь–декабрь 1917 г. — Китай; декабрь 1918 — апрель 1919 г. — Япония, затем Корея, Китай и Индокитай) [Challaue 1938, p. 7] Шаллай совершил для изучения политических проблем, которым посвятил работы «Китай и Япония в политическом отношении» и «Рабочее движение в Японии» (обе 1921). В них автор показал себя убежденным противником колониализма, каковым стал после поездки в Конго в 1905 г. и оставался до конца жизни. После Первой мировой войны, виновником которой социалист Шаллай считал империалистов всех стран, включая Францию, он вступил в коммунистическую партию, которую вскоре покинул из-за неприятия догматизма и жесткой дисциплины, но оставался ее «попутчиком» до середины 1930-х гг. Стойкий пацифист на протяжении всей жизни, Шаллай во время японо-китайской войны представлял антикоммунистических «левых», равно осуждавших колониальную экспансию и антифашистский беллицизм, в котором видел угрозу новой войны: «Их ненависть к войне была сильнее отвращения к гитлеризму. Их антикоммунизм, соединенный с пацифизмом, превосходил их антифашизм» [Wenner 2000, p. 71–72]. Шаллай также выпустил красочный альбом «Иллюстрированная Япония» (1915) и сборник переводов и пересказов «Сказки и легенды Японии» (1932), так что мог скорее считаться японофилом.

Эти обстоятельства надо учитывать при анализе его книги «Китай, Япония и державы», вышедшей в феврале 1938 г., — популярного обзора текущей ситуации и ее исторических корней. Претензию на равноудаленность Шаллай сочетал с моральной оценкой: «Несомненно, что Япония несет ответственность за преступную агрессию. Несомненно, что если бы другие державы пришли к согласию и отказали ей в материальных, прежде всего экономических и финансовых, средствах для ведения войны, ей пришлось бы оставить свое бесчеловечное предприятие» [Challaye 1938, p. 91]. Видение японской истории после *Мэйдзи исин* автор изложил так: «Япония дала миру великолепный пример того, как слабая и угрожаемая страна с помощью изумительного коллективного усилия стала достаточно мощной, чтобы остаться свободной и оказывать сильное влияние на других. Она первой заставила великие державы Европы и Америку признать равным нехристианское государство другой расы. <...> К сожалению, — заключил он, — триумф испортил японских правителей. Япония, сделавшая такое великолепное усилие для сохранения своей независимости, теперь грезит о том, чтобы навязать свое господство другим народам» [Challaye 1938, p. 39–40]. Корни японского империализма Шаллай видел в синто как в религии национальной исключительности, а нынешнюю фазу связывал с «распространением доктрины через школы, университеты, казармы», с «развитием национал-социализма в среде молодых японских военных» и с растущим давлением армии на правительство, сославшись при этом на Виолли [Challaye 1938, p. 40, 42, 48–50].

Переходя к вопросу об экспансии, автор, как и Эскарра [Escarra 1938, p. 98], признал факт перенаселенности Японии, но заметил: «Перенаселенность той или иной страны не дает ей никакого морального права захватывать другие страны, более слабые и зачастую тоже перенаселенные» [Challaye 1938, p. 41–42]. Не признавая, что у Японии есть в Китае «жизненный интерес, не сравнимый с интересом никакой иной державы», Шаллай обратился к примерам колониальной политики других стран: «Япония хочет “кореефицировать Китай”, сделать из него вторую Корею, как Франция хотела “тунисифицировать Марокко”» [Challaye 1938, p. 53], т.е. превратить полузависимое государство, разделенное державами на сферы влияния, как Марокко, в протекторат под своим монопольным господством, как Тунис.

Рассматривая соотношение сил конфликтующих сторон, автор отметил, что симпатии великих держав на стороне Китая, тем более, что «глупая расовая спесь многих американцев и преступный империализм влиятельных японцев углубляют пропасть между Соединенными Штатами и Японией» [Challaye 1938, p. 73]. Британскую и французскую политику в отношении Японии Шаллай критиковал за непоследовательность, в отношении Китая — за опору на грубую силу, заметив, что «несмотря на тяжелое прошлое, либеральная, революционная, лаицистская Франция сохраняет огромный престиж в среде китайской молодежи» [Challaye 1938, p. 76]. Он тоже задался вопросом о позиции Франции в случае конфликта между СССР, с одной стороны, и Германией и Японией, с другой. «Если СССР — почувствовав серьезную угрозу Монгольской народной республике, которую он обязался защищать, или советизированным районам Китая, или правительству китайского Народного фронта, с которым он заключил пакт о ненападении, — окажет военную помощь китайским армиям, возможно, что Германия вмешается на стороне Японии в силу секретных статей, которые могут сопровождать их соглашение против большевизма (Антикоминтерновский пакт — В. М.), а Франция, связанная франко-советским договором, выступит против Германии. Из локального конфликта родится мировая война. Гигантская борьба, исход которой никому не предугадать, но главное последствие которой предвидеть нетрудно. <...> Это будет конец нашей цивилизации» [Challaye 1938, p. 90].

Французские японофилы: Клод Фаррер и Эдуар Клавери

Япония должна была реагировать, но прямого влияния на политический мир Франции не имела, а разъяснения ее официальных и полуофициальных лиц отвергались большей частью политикума и прессы как «пропаганда» в худшем смысле слова. «Япония предпринимала колоссальные пропагандистские усилия, покупая во всех странах — *прежде всего во Франции* (выделено мной — В.М.) — значительную часть прессы» [Escarra 1937, с. 7], — утверждал Эскарра. «Упрощенческое противоречие между полностью модернизированной Японией, поборником порядка и цивилизации в Азии, и отсталым, варварским и анархическим Китаем — выдумка, распространяемая японской

пропагандой и прессой на содержании у Японии, особенно некоторыми влиятельными органами французской прессы. <...> Продажность многих газет делала невозможным добиться простого опровержения ложных утверждений, которые японские агенты умело проталкивали с помощью правильно выданного чека» [Escarra 1938, с. 29–30, 17]. Любое высказывание не «за» Китай можно было истолковать в пользу Японии, но у французской прессы в то время были более актуальные темы.

Если даже денег было потрачено много (этого мы достоверно не знаем), эффект был незначительным. Самым ценным «активом» Токио стал знаменитый романист, член Французской Академии Клод Фаррер (Фредерик-Шарль Баргон, 1876–1957). Известный симпатиями к Японии со времен романа «Битва» (1909), он участвовал в работе Франко-японского общества, основанного в 1900 г. и существующего по сей день. В эссе «Духовные силы Востока: Индия — Китай — Япония — Турция», вышедшем в апреле 1937 г., Фаррер утверждал, что Тибет, Туркестан, Монголия и Маньчжурия не являются китайскими. В конце 1937 г. японское правительство через МИД Франции официально пригласило его — как «писателя известного своей абсолютной независимостью» — посетить Японию, Корею и Манчжоу-Го. Итогом поездки стали путевые заметки «Великая драма Азии» (1938), эссе «Европа в Азии» (1939) и роман «Одиннадцатый час» (1940). Эти книги подробно рассмотрены нами ранее [Молодяков 2015], что избавляет от необходимости пересказа, но указать на них в данном контексте необходимо. Именно в Фаррера как отставного морского офицера метила фраза Эскарра: «Вслед за Пьером Лоти литература офицеров флота эксплуатировала легкую тему о рыцарской душе японских солдат и моряков. Нейтральные же наблюдатели засвидетельствовали многочисленные варварские деяния, устроенные теми в Китае» [Escarra 1938, p. 14].

Авторитетным защитником японской политики выступал Эдуар Клавери (1867–1949), бывший посланник в Эквадоре (1920–1925) и Колумбии (1925–1928). С молодости он участвовал в работе ученых обществ, а выйдя в отставку, занялся историческими разысканиями. Профессиональный интерес Клавери к Японии восходил к 1900-м гг., когда он служил в центральном аппарате МИД и составлял доклады и справки для служебного пользования и предназначенные к публикации, в том числе «Иностранцы в Японии и японцы за границей» (1904),

«Финансовое положение Японии», «Экономическое развитие Японии и конкуренция на Дальнем Востоке» (обе 1908). Служебный интерес дополнялся личным. Клавери принадлежал к поколению, увлеченному «жапонизмом», и посвятил ряд работ японской культуре: «Японская поэзия, эхо национальной души» (1932), «Беседа о японской поэзии: танка, хайку и их отголоски во Франции» (1934), «Искусство японской цветной гравюры» (1935). В 1908–1912 и в 1929–1932 гг. он был сотрудником Франко-японского общества и редактировал его бюллетень, а в 1930-е гг. стал вице-президентом Общества (президентом был сенатор Андре Оннора́, экс-министр просвещения). Японофил и знаток Японии, уважаемый дипломат и ученый, эрудит и светский человек Клавери казался идеальной фигурой для представления японской позиции перед французским политикомом.

В мае 1938 г. вышла книга «Анархия в Китае и роль Японии. 1921–1938. Свидетельства, собранные и представленные Эдуаром Клавери». Предисловие датировано 11 февраля 1938 г.: *Кигэнсэцу*, День основания империи выбран явно не случайно. «Это, строго говоря, не книга, — пояснил автор, — но досье, в котором любознательный читатель, не желающий оказаться в плену поверхностных суждений о происходящем на Дальнем Востоке, найдет собрание свидетельств компетентных и беспристрастных лиц» [Clavery 1938, p. 5]. Сославшись на опыт «почти полувекового (так! — В.М.) изучения проблемы», Клавери заявил: «Китай, именуясь он Империей или Республикой, совершенно не соответствует тому, что называется государством в Европе или Америке. <...> Китай нуждается в том, чтобы быть направляемым и управляемым для организации того, чего ему не хватает. <...> Необходимо реформировать этот хаос, это отсутствие организации. В условиях, когда воля народа никак не выражена, недостаточно принимать законы. Нужны организация, метод, система администрации и полиции, чтобы обеспечить их исполнение и уважение. <...> Никто лучше Японии не готов для этой высокой миссии, в выполнении которой заинтересовано все человечество» [Clavery 1938, p. 5–6].

В поддержку главных тезисов Клавери приводил такие аргументы: Тибет, Маньчжурия, Монголия не являются частями Китая [Clavery 1938, p. 6]; Китай — не государство, но «конгломерат» враждующих друг с другом провинций, профессиональных сообществ, землячеств, тайных обществ, где центральное правительство — «лишь видимость»,

фикция», законы — «элемент декора» [Clavery 1938, p. 53–54, 32]; высокая адаптивность японцев и их успехи в модернизации против «социальной дезорганизации» китайцев [Clavery 1938, p. 10–14]; до японской интервенции Маньчжурия была «царством бандитов» [Clavery 1938, p. 16–18] и т. д. Клавери заимствовал свои аргументы, выписывая цитаты целыми страницами, и не только у японских авторов. Он ссылаясь на Жана Рэя и на его противника в «дуэли юристов» Эскарра, корректно критикуя последнего [Clavery 1938, p. 28–29, 20–21].

Год спустя Клавери переиздал книгу, увеличив ее объем вдвое и озаглавив «Дальний Восток. Китай — Япония. 1939». Изменение названия он объяснил тем, что «счел предпочтительным дать читателю возможность самому сделать вывод из фактов, а не заявлять его заранее» [Clavery 1939, p. 4]. Автор расширил предисловие, сохранив дату «11 февраля 1938» и дополнил его постскриптумом. Текст первого издания воспроизведен дословно, с включением новых данных и аргументов, в основном о ситуации в Китае, но также о модернизации экономики Маньчжоу-Го и об успешной борьбе с бандитами [Clavery 1939, p. 137, 27–29]. В последней главе «К завершению дальневосточного конфликта» он процитировал анонимную, но инспирированную японцами статью из газеты «L'Indépendant» (10 сентября 1938) с предложением «для лучшей организации» разделить Китай на 4–5 больших провинций с широкой административной автономией под общим управлением федерального правительства «как в Вашингтоне» — под японским контролем, потому что «час мира и сотрудничества скоро пробьет» [Clavery 1939, p. 108–111]. Третье издание, снова увеличенное почти в два раза, под заглавием «Дальний Восток. 1940» вышло в середине апреля 1940 г. Немного дополнив основной текст второго издания, Клавери приложил к нему подборку своих статей и рецензий на темы, связанные с Китаем и Японией, — вплоть до подготовки создания «национального правительства» Ван Цзинвэя, которое он приветствовал [Clavery 1940, p. 242–364]. Ничего нового к заявленной ранее позиции автора они не прибавляют. Это издание содержит наиболее полный вариант аннотированной библиографии по Китаю и Японии и хронологию событий с цитатами из источников, в основном отражающих позицию Токио [Clavery 1940, p. 127–182, 236–239; 183–196]. Меньше чем через месяц после выхода книги вермахт вторгся в Бельгию и Францию, и читателям стало не до событий на Дальнем Востоке.

Заключение

Ведущие французские аналитики и авторы, рассчитывавшие влиять на общественное мнение, четко обозначили свои позиции относительно конфликта между Китаем и Японией, но мало кто брался предсказывать дальнейшее развитие событий. Наиболее четкий и структурированный прогноз дал Леви. Согласно ему, победа Японии дала бы ей контроль над территориями к северу от Янцзы и право их монопольного освоения, но таковое невозможно без крупных иностранных инвестиций (а на них, заметим, рассчитывать было трудно). Поражение Японии и возвращение захваченных земель Китаю привели бы к состоянию *status quo ante bellum*. Отсутствие регулярной власти на местах исключало всякое развитие. Наконец, «через несколько лет в Северном Китае может появиться китайское правительство, в значительной степени подверженное японскому влиянию, но не находящееся под японским господством» [Lévy 1939, p. 126–127].

Ни японская победа, ни хаос не оставляли Франции экономических перспектив, в то время как китайский режим, даже при японском влиянии, позволял на что-то надеяться. «Франция не должна пренебрегать ни одной из благоприятных возможностей в Китае. Когда закончится война и пройдет кризис, добрая воля китайцев будет особенно весома во франко-китайских отношениях. <...> Суть проблемы в равновесии сил на Дальнем Востоке. Для нее встает вопрос защиты концессий, экономических и торговых интересов, которым сегодня угрожают японцы, а завтра, может быть, китайцы или оба народа вместе. Эти мрачные перспективы могут проясниться, если мирный противовес японскому могуществу на Дальнем Востоке будет найден в *твердом* сотрудничестве Британской империи, Соединенных Штатов и Франции, не игнорируя притом роль масс и пространств России. Но к такому сотрудничеству надо приступить незамедлительно» [Lévy 1939, p. 128]. Это было написано в конце 1938 г. Не прошло и года, как ситуация в мире изменилась радикально, и подобный вариант стал невозможным. В Европе началась война, которая грозила перерасти в конфликт мирового масштаба.

Библиографический список

Мещеряков А. Н. (2006) *Император Мэйдзи и его Япония*. Москва: Наталис.

Молодяков В. Э. (2015) Япония Клода Фаррера: образ страны и ее политика глазами французского интеллектуала. *Ежегодник Япония*. Т. 44. С. 182–197.

Молодяков В. Э. (2019) Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: «Маньчжурский инцидент» и «дуэль юристов». *Ежегодник Япония*. Т. 48. С. 228–249.

Молодяков В. Э. (2020) Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: от Маньчжурского инцидента к Китайскому инциденту. *Ежегодник Япония*. Т. 49. С. 253–273.

References

Barthélemy, V. (1978). *Du communisme au fascisme. L'histoire d'un engagement politique*. Paris: Albin Michel. (In French).

Brasillach, R (1963). *Œuvres complètes*. Vol. I. Paris: Au club de l'honnête homme. (In French).

Challaye F. (1938). *La Chine, le Japon et les puissances*. Paris: Rieder. (In French).

«Chalux» (1938), *Autour du conflit Sino-Japonais*. Bruxelles: Office de publicité. (In French).

Clavery, E. (1938). *L'anarchie en Chine et le rôle du Japon. 1921–1938*. Paris: Les éditions des presses modernes. (In French).

Clavery, E. (1939). *L'Extrême-Orient. Chine — Japon. 1939*. Paris: Les éditions des presses modernes. (In French).

Clavery, E. (1940). *L'Extrême-Orient. 1940*. Paris: Les éditions des presses modernes. (In French).

Delebecque, J. (1937). L'incendie de l'Extrême-Orient et l'Europe. *Almanach de l'Action française. 1938*, 141–146. (In French).

Doriot, J. (1938). *Refaire la France*. Paris: Grasset. (In French).

Duroselle, J.-B. (1979). *Politique étrangère de la France. La décadence, 1932–1939*. Paris: Imprimerie Nationale. (In French).

Escarra, J. (1937). *Réflexions sur la politique du Japon à l'égard de la Chine et sur quelques aspects juridiques du conflit actuel*. <Perpignan: L'Indépendant>. (In French).

Escarra, J. (1938). *L'honorable paix japonaise*. Paris: Bernard Grasset. (In French).

Flandin, P.-E. (1947). *Politique française. 1919–1940*. Paris: Les Editions Nouvelles. (In French).

Harbers, F., Broersma, M. (2016). Impartial reporter or écrivain engagé? Andrée Viollis and the transformation of French journalism, 1918–1940. *French History*, 30, 2 (June 2016), 218–240.

Jeandel, A.-A. (2006). *Andrée Viollis: une femme grand reporter, une écriture de l'événement 1927–1939*. Paris: L'Harmattan. (In French).

Lévy, R. (1938). *Relations de la Chine et du Japon*. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann. (In French).

Lévy, R. (1939). *La politique française en Extrême-Orient, 1936–1938*. Paris: C.E.P.E.; Paul Hartmann. (In French).

Mescheryakov, A. (2006). *Imperator Meiji i yego Yaponiya* [Meiji Emperor and His Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Molodiakov, V. (2015). Yaponiya Kloda Farrera: obraz strany i ee politika glazami frantsuzskogo intellektuala [Claude Farrere's Japan: Country's Image and Her Policy as Seen by a French Intellectual]. *Yearbook Japan*, 44, 182–197. (In Russian).

Molodiakov, V. (2019). Kontinental'naya politika Yaponii — vzglyad iz Frantsii: “Man'chzhurskii intsident” i “duel” yuristov” [Japanese Continental Policy as Seen from France: “Manchurian Incident” and “Jurists' Duel”]. *Yearbook Japan*, 48, 228–249. (In Russian).

Molodiakov, V. (2020). Kontinental'naya politika Yaponii — vzglyad iz Frantsii: ot Man'chzhurskogo intsidenta k Kitaiskomu intsidentu [Japanese Continental Policy as Seen from France: from Manchurian Incident to China Incident]. *Yearbook Japan*, 49, 253–273. (In Russian).

Sarraut, A. (1936). *La France dans le Pacifique et l'accord germano-japonais*. Paris: Centre d'Etudes de Politique Etrangère. (In French).

Wenner, D. (2000). *Histoire de la Collaboration*. Paris: Pygmalion. (In French).